

сто «положить» их рядом, не пытаясь найти монистического объяснения их. Но вместе с тем не следует недооценивать глубокие знания, научную добросовестность, преданность делу изучения творчества великого немецкого поэта у большого количества ученых стран капитализма, прежде всего — ученых ФРГ и Франции.

Несомненно, положительным результатом конгресса надо считать и то, что он способствовал установлению более тесных связей ученых двух немецких государств — ГДР и ФРГ.

Е. КНИПОВИЧ

ЕВГ. ВИТКОВСКИЙ

ПОЭЗИЯ ГЕЙНЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Предстоит дать Гейне нашей эпохи — труд большой и ответственный.

Александр Блок

Ни один великий зарубежный поэт не переводился на русский язык так много, как Генрих Гейне. За последние сто пятьдесят лет — начиная с 1827 года, когда Ф. И. Тютчев впервые напечатал в альманахе «Северная лира» несколько стихотворений Гейне в своем переводе, — интерес к поэзии Гейне никогда не угасал в России. В XIX веке Гейне переводили такие поэты различных направлений и дарований, как Лермонтов и К. Павлова, Майков и Курочкин, Тургенев и А. К. Толстой, и еще многие и многие. Иные переводы того времени, попадаясь современному читателю на пожелтевших страницах старых журналов, напоминают об огромной популярности Гейне в России, давая между тем далеко не достаточное представление о его поэзии, — парадокс, вызванный тем, что большинство русской интеллигенции имело возможность читать Гейне в подлиннике. Разносторонность его дарования позволяла поэтам-переводчикам выбрать стихи, наиболее близкие им по духу. Удач было немного. Царская цензура тяготела над переводчиками, вынуждая делать искажения и купюры, просто запрещая многие стихи. Только, пожалуй, лирика Гейне нашла достойное воплощение в переводах Тютчева, Лермонтова, Григорьева, Михайлова и некоторых других мастеров. Гейне — «барабанщик революции» — оставался тогда почти незнаком широким кругам русских читателей.

60—70-е годы прошлого века принесли некоторые удачи и среди переводов социально-значительных стихотворений Гейне (стоит вспомнить «Двух гренадеров» Михайлова). Но более поздние переводчики — Вейнберг, Быков и другие, группировавшиеся вокруг издававшихся в те времена Полных собраний сочинений Гейне, — очень обесцветили своими переводами (а их было много) великого немецкого поэта, и в массе

этих переводов затерялись удачи предшественников.

В начале XX века новое поколение — символисты — воспринимали Гейне как чисто лирика, к социально-значительным его стихам относились резко отрицательно. Несколько переводов Анненского, Брюсова, Бальмонта, Блока — вот и весь итог предреволюционных десятилетий.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла возможность показать читателю подлинного Гейне, сняв с великого поэта цензурные оковы. На новом художественном и политическом уровне должно было продолжиться дальнейшее знакомство русского читателя с поэтом, чье творчество знал и любил основоположник советского государства В. И. Ленин — по воспоминаниям Н. К. Крупской, даже в сибирской ссылке гомика стихов Гейне был постоянным спутником Ленина. Прекрасно владея немецким языком, Ленин читал Гейне в подлиннике. По предложению Ленина в 1918 году имя Гейне было включено в список тех деятелей мировой революционной культуры, которым надлежало в первую очередь поставить памятники в молодой республике Советов. 17 ноября 1918 года по постановлению Совета Народных Комиссаров памятник Генриху Гейне был открыт в Петрограде, перед зданием университета.

Созданное по инициативе Максима Горького издательство «Всемирная литература» одним из первых предполагало издать собрание сочинений Гейне. Несмотря на обилие переводов требовалось почти все делать заново. Даже самые лучшие из дореволюционных переводов следовало подвергнуть внимательной переоценке. С другой стороны, открывались широкие перспективы для создания новых переводов из Гейне.

Вместе с революцией естественным образом завершился некий литературный этап, который можно назвать «дореволюционным Гейне». Для Гейне на русском языке наступила новая эпоха — советская.

Предлагаемая читателю статья — попытка проследить основные этапы развития «советского Гейне», коротко останавливаясь на важнейших достижениях советских поэтов-переводчиков.

I

Первым советским переводчиком Гейне был Александр Блок.

24 ноября 1918 года по предложению директора издательства «Всемирная литература» А. Н. Тихонова (Сереброва) Блок взял на себя редактирование сочинений Гейне.

Блок с увлечением сразу же составил «План издания сочинений Гейне». Предполагалось издание в пяти (позднее — в семи) томах, а также отдельная книжка лирики Гейне в «народной серии» издательства. С этих дней записные книжки Блока пестрят одной и той же фразой: «Весь день — Гейне». Блок читает огромное количество переводов, сличая их с оригиналами. Уже к 6 декабря он весьма сурово формулирует свое отношение к некоторым переводам: «Что же это сделали даже с прозой Гейне не только Вейнберг, но и Михайлов!» На следующий день, в письме к В. А. Зоргенфрею, Блок писал:

«Предстоит дать Гейне нашей эпохи — труд большой и ответственный. Редакторские полномочия насчет старых и новых переводов у меня есть, т. е. я могу делать все, что сочту нужным. Чем дальше я читаю старые переводы, тем больше ужасаюсь. Оказывается, русские профессора и версификаторы не умели совладать не только со стихами, но и с прозой Гейне. Русского Гейне, несмотря на два полных собрания и множество отдельных переводов, не существует, есть только либеральный суррогат».

10 декабря Блок получил от издательства полномочия привлечь к работе не только Зоргенфрея, но и других переводчиков. Зоргенфрей сразу приступил к работе над переводом «Путевых картин». Приблизительно тогда же, или несколько позднее, были привлечены к работе В. П. Коломийцов, Е. Книпович, В. Арнс, В. Рождественский и др.

В январе 1919 года Блок отвлекся от Гейне в связи с изданием «Избранных сочинений» Лермонтова. Но уже в марте 1919 года Блок вернулся к работе над Гейне и продолжал ее до марта 1921 года, до начала своей предсмертной болезни.

Из первых советских переводчиков Гейне следует отметить В. П. Коломийцова. Коломийцов был профессиональным музыкантом и музыковедом, ему принадлежит огромное количество переводов оперных либретто, текстов романсов и песен, переводы Коломийцова высоко ценились в музыкальной литературе, они были необходимы вокалистам — однако чисто литературная работа Коломийцова ограничилась переводами из Гейне. Ему же принадлежит неопубликованная работа «Принципы эквиритмического перевода», где впервые были последовательно изложены принципы ритмической передачи дольников Гейне на русском языке. Блок писал Коломийцову: «В том, что переводы должны быть «эквиритмичными» или никакими (подражаниями, переделками и т. д., только не переводами), я убедился окончательно, прочтя Ваши переводы, хотя это и не Гейне во многом, но это — почти первое подобие Гейне на русском языке и в большой степени — благодаря ритму».

21 мая 1919 года на заседании редколлегии «Всемирной литературы» Блок прочел доклад «Гейне в России».

Лучшими из старых переводов поэзии Гейне на русский язык Блок признал переводы М. Л. Михайлова и А. П. Григорьева.

Он по заслугам оценил и того и другого, ибо Михайлов, почти всю жизнь посвятивший переводам, и в частности переводам из Гейне, создал первого довольно полного Гейне на русском языке (хотя он часто нарушал форму подлинника, но в ряде случаев он поднимался до истинно поэтических высот). Аполлон Григорьев был вообще одним из любимых поэтов Блока, и Блок заметил, что «открытие гейневских размеров в русском языке принадлежит ему, но пользовался он ими неряшливо и по собственной прихоти». Очень строгому разбору подверг Блок творчество больше всех переведшего П. Вейнберга. Заканчивая доклад, Блок писал: «Все это приводит к выводам жестоким: всю работу над Гейне надо начинать сызнова. Перед работающими не просто чистая доска, но доска, исчерканная, исштрихованная скрипучим грифелем, надо сначала мыть, скоблить, счищать».

Блока больше интересовали переводы лирики Гейне, к его сатирическим и политическим стихам он относился отрицательно. Обилие же плохих переводов делало работу редактора-составителя тяжелым и утомительным трудом. И все же Блок продолжал начатую работу, редактируя и старые и новые переводы из Гейне, мучительно пытаясь довести до приемлемого уровня несовершенные произведения — порою переписывая их почти заново. Больше того, когда Коломийцов прислал ему свой «эквиритмический» перевод знаменитой «Лорелей», в котором почему-то не рифмовались первая и третья строки в строфах, он без колебаний перенес в него значительную часть из своего не менее «эквиритмического» перевода, сделанного еще в январе 1909 года¹.

Эта работа по редактированию и была основным занятием Блока до осени 1920 года. В 1920 году во «Всемирной литературе» вышел пятый том «Избранных сочинений» Гейне («Путевые картины» и «Мемуары»). Шестой том вышел уже после смерти Блока с предисловием Е. Книпович. Два тома увидели свет из намечавшегося семитомника.

Вероятно, к ноябрю 1920 года Блоку стало особенно нелегко редактировать чужое, и он с 6 ноября 1920 года по 5 февраля 1921 года сделал десять новых переводов из Гейне. В сочетании с тринадцатью, сделанными в январе 1909 года, — всего двадцать три перевода из Гейне оставил нам Блок. Они уже рассматривались исследователями. Безусловно, все эти двадцать три стихотворения представляют большой интерес для русского стихотворного перевода. Однако, несмотря на то, что Блок — как редактор — настоящий «отец» «советского Гейне», его собственные переводы из этого

¹ Что доказывается фотокопией машинописи Коломийцова с правкой Блока, опубликованной в седьмом томе Собрания сочинений Блока в 1932 году.

поэта значительно уступают как собственным стихам Блока, так и некоторым его переводам из других литератур (армянской, финской). Блок выбрал для своих переводов тончайшую лирику Гейне, где лишь исключительное соответствие настроений и переживаний поэта и переводчика может привести к удаче. Блок не был исключением из этого правила. Некоторые его переводы очень хороши сами по себе:

Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой,—
Так, любимая спокойна
И ясна твоя дорога,
Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.

(Переведено 29 января 1921 года)

Блок был первым, кто взял на себя титанический труд по разбору старых переводов и редактированию новых, по самой постановке редакторского дела. Главная же заслуга Блока в том, что он собрал тот первоначальный костяк переводов, вокруг которого «наращивали мясо» последующие редакторы.

2

Со смертью Блока «блоковский этап» советского Гейне не закончился. Позднее (когда было организовано издательство «Academia») редакторскую и составительскую работу Блока в значительной мере завершил В. А. Зоргенфрей, подготовивший книгу «Стихотворения», которая вышла в 1931 году.

К переводчикам, которых привлек Блок, добавились М. Кузмин, М. Лозинский, А. Я. Оношкович-Яцына. Были в книгу включены переводы Г. Шенгели и Ю. Тынянова — оба в двадцатых годах издали авторские книги переводов из Гейне, — а также «Диспут» в переводе И. Б. Мандельштама. Зоргенфрей писал в своем предисловии: «Использование старого материала (переводы XIX века) основано прежде всего на отметении балласта произвольных размеров перевода, неудачных и грубо-ремесленных пересказов и, в некоторой степени, переводов архаичных. В итоге отбора оказалось возможным сохранить для издания до 50% старых переводов, разумея под последними переводы XIX столетия, путем внесения в них, впрочем, значительных изменений».

Другие 50% книги составили работы «новых» переводчиков, имена которых названы выше. Впервые появились семь отличных переводов М. Л. Лозинского — «Чайльд-Гарольд», «Сегодня ты такой печальный», «Царь Давид» и др. Переводы Лозинского справедливо могут быть названы лучшими из новых в этой книге. Они производят впечатление прежде всего крепким мастерством стиха, сочетающимся с верно уловленной интонацией подлинника.

Сегодня ты такой печальный,
Каким уж не был много дней!
Щека блестит росой хрустальной,
И вздохи сердца все слышней.

Иль вспомнил родину в далеком,
Туманно-призрачном былом?
Ведь ты бы рад был ненароком
Побывать в отечестве своем.

Иль вспомнил даму, что так мило
Бывала гневною подчас?
Сердился ты — ей грустно было,
Потом смеялись всякий раз.

Уж поздно. Дали серебрятся
Сквозь мокрый снег белесой мглой.
Однако время одеваться
И ехать в гости. Боже мой!

Чрезвычайно интересны также и переводы А. Я. Оношковича-Яцыны, замечательно мастера советской переводческой школы, чье творчество еще ждет своего исследователя.

Сам Зоргенфрей перевел из Гейне чрезвычайно много: кроме прозы, трагедий «Альманзор» и «Ратклиф» — огромное количество лирики. Многие из его переводов с точки зрения сегодняшнего читателя уже устарели, но многие до сих пор не превзойдены — это относится как к лирике, так и к упомянутым выше трагедиям.

В середине двадцатых годов в различных газетах и журналах стали появляться отдельные переводы из Гейне, подписанные именем Юрия Тынянова, который к тому времени был широко известен как прозаик и литературовед. Переводы сразу же привлекли внимание читателя своей резкой непохожестью на все предыдущие переложения русских поэтов «из Гейне» — это относилось как к подбору стихотворений, так и к методу перевода. Многие стихотворения Гейне до революции были переведены только по одному разу — это в основном стихи, которых цензура не пропускала в периодическую печать, хотя и согласна была их стерпеть в Полном собрании сочинений в каком-нибудь достаточно выхолощенном переводе — в случае чего неудобные строфы просто вырезались. Внимание Тынянова прежде всего привлекли те стихи Гейне, которые ранее были «полускрыты» от читателя. Это были социальные сатиры Гейне, характерные своей резкой политической направленностью, — такие, как, например, «Ослы-избиратели»:

...Стояли Старо-Ослы во главе
Ослиного комитета;
Носили кокарды на голове
Черно-красного, с золотом, цвета.

Была еще партия жеребцов,
Но та голосов не имела;
Боялись свирепых Старо-Ослов,
Кричавших то и дело.

До революции существовал один-единственный перевод этого стихотворения, выполненный Д. Минаевым. Обладая хорошей поэтической техникой (хотя и не владея немецким языком), Минаев тем не менее не сумел справиться со сплошной рифмовкой — в его переводе в строфах рифмовались только вторая и четвертая строки и, кроме того, сделан весь перевод был гладким и убаюкивающим амфибрахием:

Собраньем ослев управлял комитет
Из старцев, они отличались
Все тем, что кокарды трех наших цветов
На их головах красовались.

Хотя небольшая, но партия там
Была и старшин лошадиных;
Но голос не смела она подавать,
Боясь диких криков ослиных.

Так же можно было бы сравнить «Родословную мула» (в переводе Тынянова — «Ишачество») с дореволюционными переводами того же стихотворения — Д. Минаева и Ф. Вишневского-Черниговца (один другого хуже) и многие другие стихи. Усвоив достижения предшественников, разработавших на русском языке ритмы гейневских дольников, и хорошо чувствуя своеобразие немецкой ритмики, Тынянов довел до завершения работу по «приживлению» гейневских ритмов к русской поэзии. В его дольниках больше ритмических сбоев с амфибрахия и просто ямбических строк, чем у самого Гейне. Это следует объяснить тем, что Тынянов, как всякий экспериментатор, порой впадал в крайности. Но эксперимент его был весьма плодотворен. Переводя по преимуществу сатирические, даже издевательские стихи Гейне, Тынянов при этом для создания нужного эмоционального воздействия на читателя щедро обогащал лексику своих переводов канцеляризмами (вроде «данный момент»), германизмами («пумперникель», «мамахен») и просторечиями («батюшка», «мамзель») и т. д. Прекрасно владея стихом, Тынянов создавал превосходные произведения — ему не во вред шли даже неточные рифмы, — убивающие «романтическую лирику», но сообщавшие какой-то дополнительный задор сатирам Гейне. Пожалуй, нарушение классической рифмовки повредило только переводу «Германии».

В конце 20-х — начале 30-х годов Гейне в переводах Тынянова несколько раз выходил отдельными изданиями. Насколько нам известно, переводческая работа Тынянова этими книгами и ограничилась. Несмотря на то, что стих Тынянова порой страдал шероховатостями и небрежностями (что очень хорошо видно с высот переводческого искусства 70-х годов), его переводы сыграли огромную роль в формировании «советского Гейне» — впервые была наглядно выявлена революционная сущность его поэзии.

3

Следующий этап «советского Гейне» неразрывно связан с именем литературоведа, редактора и переводчика Александра Дейча. Литературную деятельность Дейч начал в 1911—1912 годах именно как поэт-переводчик: тогда в печати появились его переводы из Новалиса, Рильке и т. д. Как переводчик Гейне Дейч впервые выступил в 1924 году, когда в журнале «Огонек» был напечатан его перевод стихотворения «Диспут». Несмотря на то что впоследствии Дейч еще довольно много перевел из Гейне, «Диспут», пожалуй, остался высшим его достижением в области художественного перевода. В 1929 году тот же «Диспут» вышел отдельной книжкой с превосходными иллюстрациями Д. Моора. Дейч переводил и прозу Гейне. В конце 20-х — начале 30-х го-

дов Дейч еще продолжает переводить Гейне, но главной работой в дальнейшем для него становится литературоведение и редактирование русских изданий Гейне.

В 1934 году, редактируя «Избранные произведения» Гейне, Дейч коренным образом пересмотрел старые переводы. Вместо работ 29 старых переводчиков, которые были использованы в книге издательства «Academia» 1931 года, в его издании дореволюционных переводчиков только 13. Однако в их число он ввел отсутствовавших в книге у Зоргенфрея — Лермонтова, а также Бальмонта, Брюсова. Даже единичные переводы этих поэтов значительно расширили картину русского Гейне. Были отброшены старые переводы В. Лихачева, И. Лебедева, Ф. Вишневского-Черниговца, которыми был еще переполнен однотомник издательства «Academia». С другой стороны, не считая работ самого Дейча и советских переводчиков, чьи переводы были использованы в книге «Academia», в ней приняли участие 10 новых переводчиков.

Но надо сказать, что главная удача этой книги была по преимуществу в подборе уже опубликованных переводов. В процессе замены неудачных старых переводов в ряде случаев Дейч помещал на их место новые, не многим более удачные, хотя и выполненные в соответствии с достигнутым уровнем: дольник везде переводился дольником, верлибр — верлибром. Стремление к преувеличенной точности и особенно к формалистической «эквиритмии» перевода доводило иногда до нелепых результатов — к примеру, в переводах Мушниковой дольки Гейне переводились слог в слог по немецкому оригиналу, что само по себе «сколь трудно, столь и бесполезно»¹. Несколько интересных новых переводов сделал для этой книги М. Сандомирский (основные его работы были опубликованы позднее). И, наконец, в полном смысле слова «новым» переводчиком, сделавшим и тогда и позднее значительный вклад в «советского Гейне», был Лев Пеньковский. Впоследствии он неоднократно возвращался к творчеству Гейне, ему принадлежат, кроме многочисленных переводов сатир, также переводы поэм «Атта Троль» и «Германия». Простота и разговорность интонации — главные достоинства переводов Пеньковского.

Однотомник «Избранные произведения» (1935) под редакцией Я. Металлова также выгодно отличался от предыдущих изданий — не только хорошим подбором старых переводов, а и новыми переводами также. Наряду с новым переводом поэмы «Германия» в нем впервые было опубликовано около 20 переводов лирических стихотворений, сделанных В. Левиком, а также переводы М. Тарловского. Можно сказать, что в середине тридцатых годов «советский Гейне» вступил в период своего расцвета.

¹ Выражение А. К. Толстого.

Следует отдельно остановиться на переводах поэмы «Германия», сделанных в эти годы. «Германия. Зимняя сказка» — одна из самых значительных поэм XIX века. Неудивительно, что к ней не раз обращались русские переводчики. Первый полный ее перевод выполнил М. А. Михайлов в 1847 г., но текст его ныне утрачен. В 1861 году появился перевод В. Водовозова — со значительными кушюрами и искажениями (как, впрочем, и все последующие дореволюционные переводы).

Позже выходили переводы В. Костомарова, Заезжего (В. М. Михайлова, этот перевод был отредактирован И. С. Тургеневым), Д. Минаева, П. Вейнберга. Существует неопубликованный перевод первых семи песен поэмы, принадлежащий Максимилиану Волошину. В 1920 году Блок отредактировал перевод той же поэмы В. П. Коломийцова, но он также не был напечатан. Нового полного перевода с начала XX века и вплоть до 1933 года на русском языке опубликовано не было. В двадцатые годы появлялись лишь отрывки в переводах Г. Шенгели, А. Дейча и др. Зато в 1933—1935 гг. на русском языке появилось сразу четыре новых перевода.

В Германии с середины двадцатых годов Гейне издавался все меньше и меньше, не говоря уже о временах фашистской диктатуры, когда на площадях складывались костры из его книг, когда культуртрегеры третьего рейха собирались заменить тексты Гейне в песнях Шуберта и других композиторов иными, написанными «поэтами-арийцами». Поэма «Германия. Зимняя сказка», самое остросоциальное произведение Гейне, своим и сатирическим и гневным обличением «великогерманского духа» была фашистам ненавистна втройне. В отдельных местах она звучала пророчески. В главе, где Гейне говорит о явившейся ему картине будущего Германии, есть следующие строфы (царская цензура их в печать не допускала):

...И даже святого пугала труп,
Как призрак, встал из гроба.
Налитая кровью народов и стран,
Раздулась гнилая утроба.

Чумным дыханьем весь мир отравить
Еще раз оно захотело,
И черви густою жижей ползли
Из почерневшего тела.

И каждый червь был новый вампир,
И гнусно смердел, издыхая,
Когда в него целительный кол
Вонзала рука роковая.

(Перевод В. Левика)

Третий рейх — тот самый «труп святого пугала» — ненавидел Гейне и боялся его. Сжигая книги Гейне, третий рейх признавал в поэзии Гейне оружие антифашизма. Естественной была та необходимость нового прочтения, которая породила за короткий срок четыре новых перевода.

В 1933 году вышел отдельным изданием перевод Юрия Тынянова, в 1934 году — перевод Семёна Рубановича под редакцией Дейча, в том же году отдельным изданием

вышел перевод Льва Пеньковского и в 1935 году в «Избранных произведениях» Гейне под редакцией Я. Металлова появился перевод В. Левика. В периодической печати вокруг этих переводов разгорелась дискуссия.

Впервые на русском языке¹ — именно в переводе Тынянова — текст поэмы был опубликован без изъятий, восстановленный по прижизненному французскому изданию, приложены добавления и варианты, частично исключенные автором по «практическим» соображениям обхода цензуры. Б. Гейман («Звезда» № 10, 1933) справедливо отмечал значительную «деконкретизацию» перевода Тынянова по сравнению с оригиналом (в основном утрату анахронистических реалий, столь характерных для Гейне) и, кроме того, указывал на то, что у Тынянова слабо использовано характерное для Гейне оттенение смысла через акцентирование спорных смысловых образов в рифме (кроме того, рифма Тынянова чрезвычайно неточна, а в оригинале такая встречается как исключение). Как впоследствии отметил Н. Вильмонт, перевод Тынянова скорее представлял «остроумнейший историко-литературный и лингвистический комментарий к поэме, чем перевод ее».

Е. Книпович («Художественная литература» № 1, 1935) откликнулась очень интересной рецензией на перевод Льва Пеньковского: «Гейне Л. Пеньковского — это подлинный «барабанщик революции». Но в этой удаче переводчика оказалась новая западня. Его Гейне сознательнее, «монолитнее», «выдержаннее», чем он был на самом деле. Его Гейне атакует романтическую реакцию извне — как воинствующий безбожник, ничем с ней внутреннее не связанный». Е. Книпович справедливо заметила, что в переводе Пеньковского поэма Гейне стала политически острее, чем была в оригинале. Но «социальная активность» Гейне в переводе Пеньковского была вызвана весьма немаловажным политическим фактором. Так прочел поэму советский переводчик вскоре после прихода в Германии к власти фашистов.

В первом варианте своего перевода Пеньковский огрубил и опростил лексику Гейне порою до смешного. Он писал «олухи» вместо «дураки», «мерзкий язычок» Мюссе вместо «острого языка», Вар не просто застрелял в болотах Гевтобургского леса, но и «закис» в них, и так далее, вплоть до оборотов вроде «сучья сука». А. Лежнев писал, что «подлинный Гейне гораздо свободнее, блестящее, артистичнее, чем Гейне переведенный, — но переводы Тынянова и Пеньковского являются большим шагом вперед». А. Федоров проанализировал четыре перевода «Германии»: Вейнберга под редакцией Зоргенфрея, переводы Пеньковского, Рубановича и Тынянова («Звезда» № 5, 1935). Перевод Пеньковского был повергнут уничтожающей критике, это в свою очередь вызвало выступление в печати с

¹ На три года раньше — впервые в СССР, — в 1930 году, полный перевод поэмы на украинском языке появился в Харькове.

защитой перевода Пеньковского со стороны известного австрийского поэта и переводчика Гуго Гупперта. Л. Пеньковский был достоин защиты, тем более что во втором и третьем издании своего перевода он избавился от большинства стилистических и смысловых недостатков, на которые ему указали.

Перевод В. Левика был издан, как уже сказано, в 1935 году. Н. Вильмонт писал: «Перевод Левика нам представляется лучшим из существующих переводов «Германии». Его основное достоинство — верность тона. В. Левик не обыгрывает отдельные слова и интонации, не демонстрирует те или иные приемы, а подчиняет все элементы, из которых складывается поэма, некоему художественному единству».

С 1935 по 1971 год перевод Левика выдержал около 20 изданий (если учитывать, кроме полных публикаций, также и фрагментарные). Хотя в тридцатые годы, по справедливому замечанию Н. Вильмонта, перевод Левика был лучшим на русском языке, но сегодняшнему читателю, требования которого возросли не меньше, чем уровень мастерства советских переводчиков, нужен был бы новый перевод «Германии». Такой перевод существует, и сделал его снова Левик. Если сравнить текст поэмы в первом издании перевода Левика (1935) и в последнем (1971), то с первых же строк создается впечатление, что это работа вообще разных переводчиков. В старом и новом варианте перевода совпадает всего 10—15% строк. Все остальное переведено заново. С переводом Левика случилось нечто уникальное в своем роде: новый перевод не был сделан сразу, а «образовался» путем почти сорокалетней редактуры со стороны самого переводчика.

Левик-переводчик, начав свою творческую деятельность еще в 20-е годы, прошел творческую эволюцию вместе со всей советской переводческой школой. Во всех русских изданиях Гейне, начиная с 1935 года, используются его переводы, их количество неуклонно растет, как растет и их качество — ибо многие переводы лирики за прошедшие годы Левик переработал не меньше, чем свой перевод «Германии». Но кроме поэмы и лирики, Левик обратил свое внимание на жанр, которому переводчики Гейне до того уделяли относительно мало внимания — на те баллады, что носят серьезный и трагический характер. Таковы «Невольничий корабль», «Фрау Метта» и другие, превосходно переведенные Левиком и являющиеся одной из вершин «советского Гейне».

Более десяти тысяч строк Гейне сейчас уже опубликовано в переводах Левика, и переводчик продолжает работу. Но Левик не перевел полностью ни одного из лирических циклов Гейне. В оригинале у Гейне каждое стихотворение лирического цикла сопрягается со всем циклом. В переводе — лишь отдельные стихи, в каждом из которых переводчик хочет передать не только словесное значение и смысл оригинала, но и частицу того художественного впечатления, которое в оригинале создается от чте-

ния всего цикла. Отсюда некоторая «чеканность» языка лирики Гейне в переводах Левика — «чеканность» поэтической речи вообще присуща его переводам и является неотъемлемой частью Левика-поэта.

5

Еще в 1931 году, издав «Стихотворения» Гейне, издательство «Academia» решило выпустить полное собрание его сочинений. Три тома из десяти предполагалось занять поэзией. Издательство привлекло к работе многих новых переводчиков, чьи имена мы узнаем из небольшой статьи, опубликованной в «Литературной газете» № 54, 1933, посвященной заседанию, которое проходило в издательстве «Academia». На нем обсуждались новые стихотворные переводы Гейне, выполненные Л. Руставели, М. Тарловским, Л. Пеньковским, А. Лежневым, О. Румером, А. Ефременковым. Позднее инициатива издания Полного собрания сочинений перешла к ГИХЛу, ввиду того, что в середине 30-х годов издательства слились. В 1935—1937 гг. был издан весь Гейне, за исключением восьмого тома (проза) и первых трех томов, в которые должны были войти поэтические произведения Гейне. Редактировали издание Н. Берковский, И. Луппол, А. Лежнев и др. Первый том (стихи) вышел в 1938 г.

По-настоящему интересным было в первом томе «Приложение» — где дана «Книга песен» в переводах русских поэтов от Лермонтова до Блока. В 1956 году Н. Берковский издал отдельно «Книгу песен» в переводах тех же поэтов, и эта книга — истинный памятник русской Гейнеане дореволюционного периода.

Третий том того же издания вышел в 1939 году; выходу двух оставшихся томов (второго и восьмого) помешала начавшаяся война.

Том второй вышел после войны, в 1948 году, под редакцией А. С. Кочеткова (на титульном листе как редактор был ошибочно указан В. Левик). Том этот был сделан куда добротнее предыдущих. В работу над переводами включились несколько новых и талантливых переводчиков. Были в нем использованы и переводы скончавшегося в 1940 году ленинградского поэта Михаила Фромана. Его работы заслуживают особого внимания. Первый его перевод из Гейне («Силезские ткачи») появился в печати в 1937 году в журнале «Звезда», потом «Литературный современник» несколько раз публиковал подборки его переводов, наконец, в посмертной книге «Избранные переводы» (1940) была собрана большая их часть. Многие из переводов лирики были весьма удачны.

Вместе с выходом в 1949 году последнего, восьмого тома Полного собрания сочинений как бы завершилась «довоенная эпоха» «советского Гейне».

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

В 1950 году вошел в «советского Гейне» С. Маршак. Впервые к творчеству Гейне Маршак обратился еще в 1903 году (ему было тогда 16 лет). Но к серьезному и систематическому переводу Гейне он приступил лишь много десятилетий спустя. В 1951 году в 11-м номере журнала «Новый мир» был опубликован большой цикл его переводов, в 1952 году его переводы были использованы при составлении «Избранного» Гейне в Детгизе. Работу над Гейне Маршак продолжал до самой смерти.

Автор комментариев к Собранию сочинений Маршака С. Чулков пишет: «Именно такие стихотворения Гейне, в которых лиризм причудливо сочетался с народной песней, с ее непосредственностью, юмором, привлекли внимание Маршака-переводчика». Поздняя лирика Гейне с ее трагическим мироощущением, по-видимому, была чужда С. Маршаку. Маршак в ряде случаев заведомо вступал в соревнование с уже имеющимся на русском языке и ставшим классическим переводом. Пример тому — «Они мне дни омрачали», где Маршак состязался с переводом Аполлона Григорьева («Они меня истерзали»). Рефрен стихотворения («Одни — своею любовью, другие — своей враждой») просто совпадает у Маршака с переводом Григорьева. Но трагизм Гейне у А. Григорьева передан сильнее. Стихотворения «Над пеною моря, раздумьем объят» и «Лорелей» тоже, в сущности, не лучше и не оригинальнее предыдущих переводов тех же стихов (в первом случае — А. К. Толстого, во втором — Саши Черного, Блока, Левика). Но там, где Гейне был близок «родной стихии» Маршака, народной (даже именно шотландской балладе), Маршак создавал подлинные шедевры:

Гонец, сначи во весь опор
Через леса, поля,
Пока не въедешь ты во двор
Дункана-короля.

Спроси в конюшне у людей,
Кого король-отец
Из двух прекрасных дочерей
Готовит под венец.

Коль темный локон под фатой,
Ко мне стрелой лети.
А если локон золотой,
Не торопись в пути.

В канатной лавке раздобудь
Веревку для меня
И поезжай в обратный путь,
Не горяча коня.

Весьма удачен и перевод «Мир шиворот-навыворот» — здесь Маршак вступил в спор с переводом Тынянова и выиграл его. Маршаку — как немногим другим счастливым — удалось внести свой вклад в золотой фонд «советского Гейне».

Большой подъем «советского Гейне» — издательский и переводческий — связан с юбилейным 1956 годом (100 лет со дня смерти Гейне), когда было издано сразу три первых тома нового Собрания сочинений Гейне и «Избранные произведения» в двух томах. Эти книги вышли в издательстве «Художественная литература», но еще несколько книг меньшего объема было издано

в других издательствах — Детгиз, «Правда» и т. д.

В юбилейном 1956 году наряду с прежними переводчиками выступили новые — Л. Гинзбург, А. Големба, В. Звягинцева, Б. Томашевский, Е. Эткинд и т. д. Кроме того, новое Собрание сочинений выгодно отличалось от предыдущих более внимательным отношением к переводам и переводчикам прошлого.

Из плеяды переводчиков юбилейного 1956 года выделяется Лев Гинзбург, которому принадлежит около тридцати переводов из Гейне. Многие из них по-настоящему хороши («Песня о дукатах», «Мария-Антуанетта»). Гинзбург пошел по стопам Тынянова, переводя почти исключительно сатиры, и, мастерски владея русским стихом, создал отличные переводы.

Остается сказать о книге «Стихотворения, поэмы, проза» (издательство «Художественная литература»), вышедшей в «Библиотеке всемирной литературы» в 1971 году под редакцией С. Шлапоберской. Эта книга качественно отличается от всех предыдущих изданий, отличается весьма выгодно, несмотря на то что новых переводов в ней немного и новых переводчиков — единицы. В книге достойным образом представлена работа всех — старых и новых, дореволюционных и советских — переводчиков Гейне, чье творчество заслуживает серьезного внимания. Весьма тщателен подбор старых переводов, но что еще важнее — впервые в советское время во многих случаях восстановлены первоначальные тексты переводов XIX века — скажем, переводы Л. Мея освобождены от пресловутой «ритмической правки». Ряд новых, интересных переводов опубликовали Лев Гинзбург, Вильгельм Левик, Александр Големба.

«Тангейзер», своеобразный черновик будущей поэмы Гейне «Германия», переводился на русский язык и реже и хуже, чем «Германия». Несмотря на то, что это одно из самых эффектных стихотворений Гейне — злободневная сатира, причудливо сплетенная со средневековой легендой, — достойного переводчика это стихотворение дождалось лишь теперь — в «Библиотеке всемирной литературы» опубликован новый перевод Владимира Микушевича:

...Гамбург хорош, однако и там
Достаточно дряни плодится.
На гамбургской бирже и в сельской
тюрьме

Весьма похожие лица.

Альтону в Гамбурге я осмотрел,
Местечко высшего тона.
Когда-нибудь я на десерт расскажу
О том, какова Альтона.

Поэзия Гейне давно и неразрывно связана с русской поэзией. Недаром Николай Ушаков недавно включил свои переводы из Гейне в книгу собственных стихов, недаром на столах редакций среди «самотека» неизменно появляются переводы из Гейне, недаром многие крупные советские переводчики потихоньку переводят Гейне «себе в стол». И хочется думать, что недалеко то время,

когда издательство «Художественная литература» вновь поставит в свои планы «полного» Гейне, а затем и читатель поставит на свою полку нового, советского, русского Гейне, изданного со всей ответственностью, любовью и талантом.

Скоро сто пятьдесят лет, как живет в русском языке поэзия Гейне. Каждое новое поколение читало его заново, открывая для себя все новые и новые грани его творчества, но всегда, во все прошедшие десятилетия, поэзия Гейне была поразительно современна, до самых глубин проникала она в души читателей, задевая самые насущные, самые наболевшие вопросы жизни. И, может быть, не случайно русская Гейнеана — самая богатая за пределами немецкого языка, ибо русскому народу было всегда чуждо и враждебно все то, с чем боролся в своей поэзии Гейне, точно так же, как было ему близко и дорого все то, что было близко и дорого Гейне.

Е. КНИПОВИЧ

«ГЕРМАНИЯ. ЗИМНЯЯ СКАЗКА»

Существует девять переводов поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка» на русский язык; думается, что большего количества переводов этой поэмы не насчитывает ни одна литература мира.

И если проанализировать русский текст всех этих переводческих трудов, осуществленных за почти столетний срок, стало бы очевидным, что даже в метрике, ритме, лексике проявились не только разные индивидуальности переводивших, но и разные исторические периоды, разные эстетические принципы, разные политические убеждения, разное восприятие и понимание огромного и противоречивого единства, именного творчеством Генриха Гейне.

Все это помогает понять, каким образом творчество Гейне становилось оружием в идейно-эстетической войне различных групп и направлений русской литературы и литературной науки. Нежный лирик и романтик, либеральный народолюбец и «барабанщик революции», мастер разрушительной иронии, способной подточить любую веру и любые убеждения, — вот те аспекты, в каких вставал Гейне на протяжении второй половины XIX и первых полутора десятилетий XX века в сознании русских поэтов, литературоведов, читателей.

Самое любопытное заключается в том, что почти в каждом из этих аспектов жило зерно истины. Но истина, в основе которой

За рамками статьи, к сожалению, осталась обширная история переводов поэзии Гейне на языки братских народов Советского Союза. Украина, Прибалтика, народы Закавказья знакомы с творчеством Гейне уже многие и многие десятилетия. Но и народы, впервые получившие письменность при советской власти, также познакомились с его творчеством, причем часто первым переводом с западноевропейского языка был перевод из Гейне. Эта тема все еще ждет своего исследователя: уже сейчас Гейне вышел отдельными изданиями на 20 языках народов СССР.

Жизнь Гейне в СССР продолжается. Как и прежде, каждое новое поколение советских поэтов обращается к его поэзии, открывая в ней все новое и новое; как и прежде, его поэзия неразрывно связана с насущными проблемами сегодняшнего дня. Его поэзия — спутник современности, спутник верный и надежный.

лежит принцип «*pars pro toto*» — всегда сомнительна, а иногда способна привести к той операции, какую заклемила мудрая восточная пословица — «из лоскутков правды шьют одеяло лжи».

Я думаю, что подлинное лицо Гейне открылось для широкого круга русских читателей после Октябрьской революции. И не только потому, что для советской власти и главы ее — Ленина — Гейне был тем, кто одним из первых достоин войти в ряд великих деятелей мировой литературы, который был определен и планом «монументальной пропаганды», и списком авторов возглавляемого Горьким издательства «Всемирная литература» (издание Собрания сочинений Гейне, освобожденное от купюр царской цензуры, начало подготавливаться в 1918 году, и два тома его вышли в труднейшие годы гражданской войны и разрухи).

Существенным было и то, что на заседаниях редакционной коллегии «Всемирной литературы», куда входили большие писатели и ученые разных убеждений и направлений, многократно, в связи с как будто частными проблемами творчества Гейне, шел спор об общей его оценке, об основном смысле, доминанте этого творчества.

Для ныне покойного академика В. Жирмунского — тогда еще молодого ученого — Гейне был только романтиком, для А. Волынского — литературоведа и искусствоведа — пламенным поборником юдаизма, для крупнейшего античника Ф. Зелинского — либо эллином, либо «блуждающим огоньком поэзии».

Два участника спора — главный редактор будущего собрания сочинений Александр Блок и руководитель всей работы издательства М. Горький — по-разному, но в равной мере давали «монистическое решение» проблемы «Генрих Гейне».

Доклад на конгрессе в Дюссельдорфе 15—19 октября 1972 года.